

**Муниципальный этап
всероссийской олимпиады школьников по литературе**

2020/21 учебный год

11 класс

Дорогой друг! Желаем успеха!

Решения и система оценивания

Зада- ния	1 задание (20 б.)		2 задание (30 б.)				3 задание (50 б.)					Итого 100 б.
	1.1. (10 б.)	1.2. (10 б.)	10 б.	10 б.	5 б.	5 б.	20 б.	10 б.	10 б.	5 б.	5 б.	
Макс. балл												
Оценка												

Задание 1.

1.1. Прочитайте биографические сведения о поэтах и писателях, которые представлены ниже. По представленным сведениям определите, о ком идёт речь. Запишите ответы в таблицу.

- 1) Этот известный русский поэт сам себя называл «одним из самых поэтических лиц русской армии». И действительно, вся его жизнь была связана с армейской службой.

Поэзию его всегда питала жизнь, дававшая смысл и содержание его оригинальным поэтическим напевам. Друзья его – Н. М. Кармазин, В. А. Жуковский, П. А. Вяземский – любили его поэзию, восхищались «пылкостью стиха», «неподражаемостью слога», «венчанной музой поэта», посвятили ему множество стихотворений.

Осенью 1832 года в книжных лавках Москвы появился первый сборник стихотворений прославленного поэта-партизана в обычном для того времени маленьком формате с виньеткой. Он не был доволен изданием: огорчил внешний вид книжки, небрежность шрифта, опечатки. «Получил ли ты стихотворения мои? – спрашивал он в письме Вяземского. – Я приказал Салаеву (издателю. – Авт.) послать и тебе один экземпляр, 1 Пушкину, 1 Дашкову, 1 Блудову и 1 Жуковскому чрез тебя... Нет, как ни говори и как ни люби нашу матушку Белокаменную, но она весьма отстала от Петербурга даже и в красоте книгопечатания; вкусу нет!.. Впрочем, я сам виноват, такие дела не препоручают другим, а требуют надзора хозяина. Будь я в Москве, то издание было бы красивее и не было бы опечаток, которые мне глаза колют».

- 2) Этот поэт в свое время приступил к изданию журнала «Вестник Европы». По тематике журнал был разнообразнее любого другого русского журнала тех лет.

В нём писались переводы иностранных авторов и произведения лучших русских литераторов, помещались серьезные критические и публицистические статьи. Большое место в журнале занимали произведения самого издателя. «Никто из журналистов наших... – свидетельствует И. И. Дмитриев, – не был богаче и разнообразнее [этого писателя] в собственных сочинениях. Мы видели в нем и политика, и патриота, и критика, и моралиста». «Вестник Европы, – свидетель-

ствовал один из современников, – по всей справедливости может назваться лучшим нашим журналом».

На страницах своего журнала писатель впервые выступил как историк. Много позже его исторический труд раскупали нарасхват: в один месяц, например, было продано 3000 экземпляров.

- 3) Этот известный русский писатель девятилетним мальчиком был записан солдатом в Семёновский полк и числился там «недорослем», отпущенным со службы для прохождения «указных наук».

В апреле 1755 года в Москве открылся университет. Будущий писатель был зачислен в дворянскую гимназию, и уже в гимназические годы он внимательно присматривается к окружающей жизни, изучает московский быт. Именно в Москве в нём пробуждается талант сатирика. Причём в качестве мишени он избирает не людские пороки, а порочных людей. «Весьма рано появилась во мне склонность к сатире, – вспоминал он. – Острые слова мои носились по Москве; а как они были для многих язвительны, то обиженные оглашали меня злым и опасным мальчишкою... Меня стали скоро бояться, потом ненавидеть; и я вместо того, чтоб привлечь к себе людей, отгонял их от себя и словами и пером. Сочинения мои были острые ругательства: много было в них сатирической соли...». В двадцать лет он стал известным писателем – автором многих сатирических стихотворений и популярной пьесы.

- 4) Первое произведение этого великого русского писателя изумило читателей своим искромётным юмором. Широкая публика была в восторге. С особой симпатией и любопытством отнёсся к его сочинению круг московской интеллигенции, славившейся исключительной осведомлённостью в вопросах литературы. Сам автор, хотя и был рад, не считал своё первое произведение чем-то особенно значительным, был захвачен «необозримо-величественными» замыслами, мечтая создать «что-нибудь увесистое, великое, художественное». Спустя годы из-под пера писателя вышли произведения, ставшие классикой русской литературы.

Один из почитателей таланта великого писателя записал следующий случай, имевший место в одном из московских домов: «Гостей было человек семьдесят. Обедали в палатке, украшенной цветами; в саду гремела полковая музыка. [ФИО писателя] опоздал... Я сидел возле зелёного стола, за которым играли в ералаш три сенатора и военный генерал. Один из сенаторов, в военном же мундире, с негодованием посмотрел на [ФИО писателя].

«Не могу видеть этого человека», – сказал он наконец... «Ведь это революционер, – продолжал военный сенатор, – я удивляюсь, право, как это пускают его в порядочные дома? Когда я был губернатором и когда давали его пьесы в театре, поверите ли, что при всякой глупой шутке или какой-нибудь пошлости, насмешке над властью весь партер обращался к губернаторской ложе. Я не знал, куда деться, наконец, не вытерпел и запретил давать его пьесы. У меня в губернии никто думать не смел о [название одного из произведений] и других его сочинениях. Я всегда удивлялся, как это правительство наше не обращало внимания на него: ведь его стоило бы, за эти [название одного из произведений] и в особенности за [название одного из произведений], сослать в такое место, куда ворон костей не заносит!»

- 5) На исходе 1824 года по Москве распространился слух, будто появилась пьеса, в которой высмеяно Московское высшее общество, изображённое в злой карикатуре. Автор её сделался предметом всеобщего любопытства и толков. Пьеса, написанная им, стала ходить по рукам и разошлась не только по Петербургу, но и по всей читающей России. Пьеса ошеломила читателей не только глубиной содержания, но и блистательным языком, едкой сатирой и остроумием.

Автор наделавшей столько шума пьесы родился в Москве, в старинной дворянской семье. Мать его, мечтая о блестящей карьере сына, ничего не жалела для его образования.

В возрасте восьми лет его определили в Благородный пансион – лучшее учебное заведение Москвы, готовившее к поступлению в университет.

Вскоре он стал студентом Московского университета. За шесть с половиной лет он окончил курс словесного и юридического факультетов, занимался гуманитарными, естественными и точными науками. По общему признанию современников, он вышел из университета одним из самых образованных людей России.

Поэту предсказывали блестящую карьеру на государственном поприще, однако он в разговоре с другом однажды сказал так: «...друг мой, буду ли я когда-нибудь независим от людей? От семейства, от службы, от цели в жизни, которую себе назначил и, может статься, наперекор судьбе? Поэзия! Люблю её без памяти, страстно, но кто нас уважает, певцов, истинно вдохновенных, в том краю, где достоинство ценится в прямом содержании к числу орденов и крепостных рабов? Любой крез Шереметев заменит из нас Омира. Мучение быть пламенным мечтателем в краю вечных снегов».

	Поэт/писатель
1)	
2)	
3)	
4)	
5)	

(10 баллов)

1.2. Соотнесите стихотворные строки и фамилии авторов. Как вы думаете, на основании чего можно объединить эти тексты? Запишите ответы в таблицу.

- а) Срежет мудрый садовник-осень
Головы моей жёлтый лист.
- б) Устало все кругом: устал и цвет небес,
И ветер, и река, и месяц, что родился,
И ночь, и в зелени потусклой спящий лес,
И желтый тот листок, что наконец свалился.
- в) Бредёт с копьём наперевес
Мое чудовищное горе.
- г) Жизнь наша в старости – изношенный халат:
И совестно носить его, и жаль оставить...
- д) Вселенная спит,

положив на лапу
с клещами звезд огромное ухо.

е) Невыразимая печаль
Открыла два огромных глаза,
Цветочная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.

ж) Встают – два солнца, два жерла,
– Нет, два алмаза! –
Подземной бездны зеркала:
Два смертных глаза

з) Пчела за данью полевой
Летит из кельи восковой.

Авторы: О. Мандельштам, П. Вяземский, А. Пушкин, А. Фет, Н. Гумилев, М. Цветаева,
С. Есенин, В. Маяковский

	Автор
а)	
б)	
в)	
г)	
д)	
е)	
ж)	
з)	
Основание объ- единения текстов	

(10 баллов)

Задание 2. Книжные издательства периодически издают различные тематические сборники. Вам нужно подготовить к изданию сборник писем литературных героев.

Продумайте, для какой цели книга будет издана и кому будет адресована.

Как сборник будет называться?

По какому принципу вы будете отбирать для него письма?

Письма каких литературных героев вы возьмёте и почему?

Дайте обоснование включения любых 2-х писем из вашего списка в книгу и сопроводите их историко-литературным комментарием.

Выполненное вами задание должно представлять собой связный завершённый текст (примерный объём сочинения – 250–300 слов).

Внимание! Указанное количество слов в задании – ориентировочное. Не нужно их подсчитывать и подгонять свой ответ под их количество.

Задание 3. Выполните целостный анализ **прозаического ИЛИ поэтического** текста (на выбор). Вы можете опираться на предложенные после текстов вопросы или выбрать собственный путь анализа. Ваша работа должна представлять собой цельный, связный, завершённый текст.

В. Набоков
Благость

Мастерскую я унаследовал от фотографа. У стены еще стояло лиловатое полотно, изображавшее часть балюстрады и белёсую урну на фоне мутного сада. В плетёном кресле, словно у входа в эту гуашевую даль, я и просидел до утра, думая о тебе. На рас свете стало очень холодно. Постепенно выплыли из темноты в пыльный туман глиняные болванки, – одна, твое подобие, обмотанная мокрой тряпкой. Я прошел через эту туманную светлицу – что-то крошилось, потрескивало под ногой, – и концом длинного шеста зацепил и открыл одну за другой черные занавески, висевшие как клочья рваных знамен, вдоль покатога стекла. Впустив утро – прищуренное, жалкое, – я рассмеялся, сам не зная чему, – быть может тому, что вот я всю ночь просидел в плетеном кресле, среди мусора, гипсовых осколков, в пыли высохшего пластилина, – и думал о тебе.

Когда при мне произносили твое имя, вот какое чувство я испытывал: удар черноты, душистое и сильное движение; так ты заламывала руки, оправляя вуаль. Любил я тебя давно, а почему любил – не знаю. Лживая и дикая, живущая в праздной печали.

Недавно я нашел на столике у тебя в спальне пустую спичечную коробку; на ней был надгробный холмик пепла и золотой окурок, грубый, мужской. Я умолял тебя объяснить. Ты нехорошо смеялась. И потом расплакалась, и я, все простив тебе, обнимал твои колени, прижимался мокрыми ресницами к теплому черному шелку. После этого я две недели не видел тебя.

Осеннее утро мерцало от ветра. Я бережно поставил шест в угол. В широкий пролет окна видны были черепичные крыши Берлина – очертанья их менялись, благодаря неверным внутренним переливам стекла, – и среди крыш бронзовым арбузом вздымался дальний купол. Облака летели и прорывались, обнажая на мгновение легкую изумленную осеннюю синеву. Накануне я говорил с тобой в телефон. Не выдержал, сам позвонил. Условились встретиться сегодня, у Бранденбургских ворот. Голос твой сквозь пчелиный гуд был далек и тревожен. Скользил, пропадал. Я говорил с тобой, плотно зажмурившись, и хотелось плакать. Моя любовь к тебе была бьющейся, восходящей теплотой слез. Рай представлялся мне именно так: молчанье и слезы, и теплый шелк твоих колен. Ты понять это не могла.

Когда после обеда я вышел на улицу – встретить тебя, – голова закружилась от сухого воздуха, от потоков желтого солнца. Каждый луч отдавался в висках. По панели, с шорохом, торопливо, вперевалку, бежали большие рыжие листья.

Я шел и думал о том, что верно на свиданье ты не придешь. А если и придешь, то все равно опять поссоримся. Я умел только лепить и любить. Тебе было мало этого.

Вот и грузные ворота. Сквозь проймы их протискивались толстобокие автобусы и катились дальше вдоль бульвара, уходящего вдаль, в тревожный синий блеск ветреного дня. Я ждал тебя под тяжелой сенью, между холодных колонн, у железного окна гауптвахты. Было людно: шли со службы берлинские чиновники, нечисто выбритые, у каждого под мышкой портфель, в глазах – мутная тошнота, что бывает, когда натошак выкуришь плохую сигару. Без конца мелькали их усталые и хищные лица, высокие воротнички. Прошла дама в красной соломенной шляпе, в пальто из серого барашка, юноша в бархатных штанах с пуговицами пониже колен. И еще другие.

Я ждал, опираясь на трость, в холодной тени угловых колонн. Я не верил, что ты придешь.

А у колонны, неподалеку от окна гауптвахты, был лоток – открытки, планы, веера цветных снимков, – а рядом на табурете сидела коричневая старушка, коротконогая, полная, с круглым, рябым лицом, – и тоже ждала.

Я подумал: кто из нас первый дождется, кто раньше явится – покупатель или ты. У старушки был вид вот какой: «Я ничего, я так, случайно присела тут; правда, рядом какой-то лоток – очень хорошие, любопытные вещицы. Но я –ничего...»

Люди без конца проходили между колонн, огибая угол гауптвахты; иной взглянет на открытки. Тогда старушка вся напрягалась, впивалась яркими крохотными глазами в лицо прохожего, словно внушала ему: купи, купи... – но тот, окинув взглядом цветные и серые снимки, шел дальше, и она, как бы равнодушно, опускала глаза, продолжала читать красную книгу, что держала на коленях.

Я не верил, что ты придешь. Но ждал тебя, как не ждал никогда, тревожно курил, заглядывал за ворота на чистую площадь в начале бульвара; и снова отходил в свой угол, стараясь не подавать виду, что жду, стараясь представить себе, что вот, пока я не гляжу, ты идешь, приближаешься, что если опять взгляну туда, за угол, то увижу твою котиковую шубу, черное кружево, свисающее с края шляпы на глаза, – и нарочно не смотрел, дорожил самообманом.

Хлынул холодный ветер. Старушка встала, принялась вставлять плотнее свои открытки. На ней было что-то вроде короткого тулупчика – желтый плюш, сборки у поясицы. Подол коричневой юбки был подтянут спереди выше, чем сзади, и потому казалось, что она ходит, выпятив живот. Я различал добрые, тихие складки на маленькой круглой шляпе, на потертых утиных сапожках. Она деловито возилась у лотка. Рядом, на табурете, осталась книга – путеводитель по Берлину, – и осенний ветер рассеянно поворачивал страницы, трепал план, выпавший из них ступеньками.

Мне становилось холодно. Папироса тлела криво и горько. Волны неприязненной прохлады обдавали грудь. Покупатель не шел.

А старушка уселась снова, и так как табурет был слишком для нее высок, ей пришлось сперва поерзать, подошвы ее тупых сапожков попеременно отделялись от панели. Я кинул прочь папиросу, подхватил ее концом трости: огненные брызги.

Прошло уже с час, – быть может больше. Как я мог думать, что ты придешь? Небо незаметно превратилось в одну сплошную тучу, и прохожие шли еще поспешнее, горбились, придерживали шапки, дама, переходившая площадь, открыла на ходу зонтик... Было бы просто чудо, если б ты теперь пришла.

Старушка, аккуратно переложив в книгу закладку, как будто призадумалась. Мне кажется, ей представлялся иностранец-богач из Адлона, который купил бы весь ее товар, и переплатил, и заказал бы еще и еще видовых открыток, путеводителей всяких. И ей, вероятно, нетепло было в этом плюшевом тулупчике. Но ты ведь обещала прийти. Мне вспоминался телефон, бегущая тень твоего голоса. Господи, как мне хотелось тебя видеть. Снова хлынул недобрый ветер. Я поднял воротник.

И вдруг окно гауптвахты отворилось, и зеленый солдат окликнул старушку. Она быстро сползла с табурета и, выпятив живот, подкатилась к окну. Солдат покойным движеньем подал ей дымящуюся кружку и прикрыл раму. Повернулось и ушло в темную глубину его зеленое плечо.

Старушка, бережно неся кружку, вернулась к своему месту. Это был кофе с молоком – если судить по коричневой бахrome пенки, приставшей к краю.

И она стала пить. Я никогда не видал, чтобы пил человек с таким совершенным, глубоким, сосредоточенным наслаждением. Она забыла свой лоток, открытки, холодный ветер, американца, – и только потягивала, посасывала, вся ушла в кофе свой, точно так же, как и я забыл свое ожидание и видел только плюшевый тулупчик, потускневшие от блаженства глаза, короткие руки в шерстяных митенках, сжимавшие кружку.

Она пила долго, пила медленными глотками, благоговейно слизывала бахрому пенки, грела ладони о теплую жесть. И в душу мою вливалась темная, сладкая теплота. Душа моя тоже пила, тоже грелась, – и у коричневой старушки был вкус кофе с молоком.

Допила. На мгновение застыла. Потом встала и направилась к окну, – отдать пустую кружку.

Но не доходя она остановилась. Ее губы собрались в улыбочку. Быстро подкатилась она обратно к лотку, выдернула две цветные открытки и, снова подбежав к железной решетке окна, мягко постучала шерстяным кулачком по стеклу. Решетка отпахнулась, скользнул зеленый рукав с блестящей пуговицей на обшлаге, и старушка сунула в черное окно кружку, открытки и торопливо закивала. Солдат, разглядывая снимки, отвернулся в глубину, медленно прикрывая за собою раму.

Тогда я почувствовал нежность мира, глубокую благодать всего, что окружало меня, сладостную связь между мной и всем сущим, – и понял, что радость, которую я искал в тебе, не только в тебе таится, а дышит вокруг меня повсюду, в пролетающих уличных звуках, в подоле смешно подтянутой юбки, в железном и нежном гудении ветра, в осенних тучах, набухающих дождем. Я понял, что мир вовсе не борьба, не череда хищных случайностей, а мерцающая радость, благодатное волнение, подарок, не оцененный нами.

И в этот миг, наконец, ты пришла, вернее не ты, а чета немцев, – он в непромокаемом плаще, ноги в длинных чулках – зеленые бутылки, – она худая, высокая, в пантеровом пальто. Они подошли к лотку, мужчина стал выбирать, и моя кофейная старушка, покрасневшись, напыжившись, глядела то в глаза ему, то на открытки, суетливо, напряженно работая бровями, как делает старый извозчик, всем телом своим подгоняющий клячу. Но не успел немец выбрать, как его жена пожала плечом, оттянула его за рукав, – и тогда-то заметил я, что она на тебя похожа, – сходство было не в чертах, не в одежде, – а вот в этой брезгливой недоброй ужимке, в этом скользком и равнодушном взгляде. И оба они пошли дальше, ничего не купивши, – а старушка только улыбнулась, вставила обратно открытки, углубилась опять в свою красную книгу. Мне незачем было дольше ждать. Я пошел прочь по вечеряющим улицам, заглядывал в лица прохожим, ловил улыбки, изумительные маленькие движения, – вот прыгает косица девчонки, бросающей мячик о стену, вот отразилась божественная печаль в лиловатом овальном глазу у лошади: ловил я и собирал все это, и крупные, косые капли дождя учащались, и вспомнился мне прохладный уют моей мастерской, вылепленные мною мышцы, лбы и пряди волос, и в пальцах я ощутил мягкую щекотку мысли, начинающей творить.

Стемнело. Летал дождь. Ветер бурно встречал меня на поворотах. А потом лязгнул и просиял янтарными стеклами трамвайный вагон, полный черных силуэтов, – и я вскочил на ходу, стал вытирать руки, мокрые от дождя.

В вагоне люди сидели нахохлясь, сонно покачиваясь. Черные стекла были в мелких, частых каплях дождя, будто сплошь подернутое бисером звезд ночное небо. Гремели мы вдоль улицы, обсаженной шумными каштанами, и мне все казалось, что влажные ветви хлещут по окнам. А когда трамвай останавливался, то слышно было, как стучались наверху об крышу срываемые ветром каштаны: ток – и опять, упруго и нежно: ток... ток... Трамвай трезвонил и трогался, и в мокрых стеклах дробился блеск фонарей, и я ждал с чувством пронзительного счастья повторения тех высоких и кротких звуков. Удар тормоза, остановка, – и снова одиноко падал круглый каштан, – погодя падал я второй, стучаясь и катясь по крыше: ток... ток...

1924 г.

Выполните целостный анализ рассказа Владимира Набокова «Благодать». Обратите внимание на следующие особенности его содержания и формы: особенности по-

вествовательной организации (кому принадлежит психологическая «точка зрения?»), своеобразии художественного пространства и времени, индивидуальные черты стилистической манеры писателя, смысл названия произведения и его связь с идеей текста. На основе анализа охарактеризуйте авторский замысел и содержание рассказа.

Б. Пастернак
На ранних поездах

Я под Москвою эту зиму,
Но в стужу, снег и буревал
Всегда, когда необходимо,
По делу в городе бывал.

Я выходил в такое время,
Когда на улице ни зги,
И рассыпал лесною темью
Свои скрипучие шаги.

Навстречу мне на переезде
Вставали вѣтлы пустыря.
Надмирно высились созвездья
В холодной яме января.

Обыкновенно у задворок
Меня старался перегнать
Почтовый или номер сорок,
А я шёл на шесть двадцать пять.

Вдруг света хитрые морщины
Сбирались щупальцами в круг.
Прожектор нёсся всей машиной
На оглушённый виадук.

В горячей духоте вагона
Я отдавался целиком
Порыву слабости врождённой
И всосанному с молоком.

Сквозь прошлого перипетии
И годы войн и нищеты
Я молча узнавал России
Неповторимые черты.

Превозмогая обожанье,
Я наблюдал, боготворя.
Здесь были бабы, слобожане,
Учащиеся, слесаря.

В них не было следов холопства,
Которые кладёт нужда,

